

Дипломатические источники
в изучении «восточного вопроса»
внешней политики Российской Империи
в конце XIX – начале XX в. (на материалах
секретных сообщений дипломатов
А.И. Нелидова и И.А. Зиновьева)

Амбарцумян К.Р.

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь

Традиционность подходов в изучении истории международных отношений позволила итальянскому исследователю Э. ди Нольфо обозначить проблему отграничения истории международных отношений и истории дипломатии.

Целью статьи является исследование информационных возможностей дипломатических документов в связи с применением к ним возможностей интеллектуальной истории.

Материал и методы. *В качестве источниковой базы в работе использованы дипломатические донесения российских послов в Константинополе – А.И. Нелидова и И.А. Зиновьева. Методология определена подходом интеллектуальной истории.*

Результаты и обсуждение. *В исследовании дипломатическая переписка рассматривается как нарратив лично наполненный, что подразумевает автора с биографией и включенностью в определенный исторический контекст. В конце XIX – начале XX в. актуальным для российской внешней политики был «восточный вопрос», в рамках которого сформировался армянский, ставший местом столкновения интересов великих держав. Будучи послом в период «гамидовской резни» армянского населения, которая началась в 1894 г., А.И. Нелидов видел в этом кризисе опасность того, что англичане, используя погромы как повод, могут занять Черноморские проливы. И.А. Зиновьева волновал больше Кавказ, нежели проливы. Именно туда хлынул поток армянских беженцев, спасавшихся от турецких погромов.*

Заключение. *Таким образом, проведенное исследование позволило восстановить не цепь событий, а скорее представления двух российских дипломатов о приоритетах своей работы и российской внешней политики.*

Ключевые слова: *интеллектуальная история, дипломатические документы, история международных отношений, источниковедение.*

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 98–101)

Diplomatic Sources in the Study
of the “Eastern Question” of the Foreign Policy
of the Russian Empire in the Late XIX – Early XX Centuries
(Based on the Materials of Secret Messages
of Diplomats A.I. Nelidov and I.A. Zinoviev)

Ambartsumyan K.R.

North Caucasus Federal University, Stavropol

The tradition of research approaches to the history of international relations allowed the Italian historian Ennio di Nolfo to identify the problem of distinguishing the history of international relations and the history of diplomacy.

The research purpose is to study information possibilities of diplomatic papers in terms of applying intellectual history possibilities to them.

Materials and methods. *The article uses diplomatic reports of the Russian ambassadors in Constantinople A.I. Nelidov and I.A. Zinoviev as a source base. The methodology is determined by the approach of intellectual history.*

Findings and their discussion. *In the study, diplomatic correspondence is considered as a narrative filled with personality, which implies an author with a biography and involvement in a certain historical context. At the end of the XIX – beginning of the XX century,*

Адрес для корреспонденции: e-mail: karina-best21@mail.ru – К.Р. Амбарцумян

the “Eastern issue” was relevant for Russian foreign policy, within the framework of which the Armenian one was formed, which became a place of collision of the interests of the great powers. As an ambassador during the “Hamid massacre” of the Armenian population, which began in 1894, A.I. Nelidov saw in this crisis the danger that the British, using pogroms as an excuse, could occupy the Black Sea Straits. I.A. Zinoviev was more concerned about the Caucasus than the Straits. It was there that the flow of Armenian refugees fleeing from the Turkish pogroms poured in.

Conclusion. Thus, the conducted research allowed us to reconstruct not the chain of events, but rather the ideas of the two Russian diplomats about the priorities of their work and Russian foreign policy.

Key words: intellectual history, diplomatic documents, history of international relations, source studies.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 98–101)

В исторической науке история международных отношений с точки зрения теории и методологии исследования по-прежнему остается наиболее консервативным направлением. Греческий историк К. Колиопулос полагает, что весь XX в. и по сей день существует проблема отделения истории от международных отношений и проведения границы между двумя профессиональными сферами [1]. Итальянский историк-международник Э. ди Нольфо считает, что история международных отношений часто понимается как история дипломатии, и это ограничивает исследовательские возможности ученых. Однако Э. ди Нольфо не призывает маргинализировать в этой связи дипломатические источники, они также являются документами большой значимости для реконструкции прошлого. К данного рода документам можно отнести не только соглашения или нотную переписку, но и донесения дипломатических работников. Более того, дипломатические документы начиная с XVII в. и до начала Первой мировой войны он предлагает смело причислять к литературному жанру, а не к бюрократическому, к которому скорее относится более поздняя документация. Данное свойство особенно значимо в свете методологии, так как расширяются возможности исследовательской работы с источником. Дело в том, что жанр претерпел ряд изменений в связи с общественным и технологическим прогрессом и там уже нет аналитического описания стран пребывания [2]. Российская исследовательница О.Б. Бокарева относит к дипломатическим источникам проекты договоров и переписку. Но с точки зрения принятой видовой классификации договоры и проекты – это акты, а переписка может быть отнесена и к эпистолярным источникам [3, с. 160]. Надо сказать, что дипломатическая история в зарубежном сегменте исторической науки вполне состоявшаяся и институализированная наука. Например, в США с 1970-х гг. издается журнал «Дипломатическая история», посвященный сугубо американской внешней политике и международным связям. Вместе с тем понимание иллюзорности статичности дипломатии и международных отношений происходит именно благодаря источниковедческому анализу дипломатических источников.

Целью статьи является исследование на примере конкретных сообщений послов Российской империи в Константинополе информационных возможностей дипломатических источников и расширение представлений о методах, которые могут быть к ним применены. В частности, в соответствии с утверждением Э. ди Нольфо о том, что дипломатические документы

данного периода могут быть отнесены к литературному жанру, представляется возможным адаптация к ним подхода интеллектуальной истории.

Материал и методы. В исследовании осуществляется попытка имплементации подхода интеллектуальной истории применительно к дипломатическим документам. Помещение данной группы исторических источников в контекст интеллектуальной истории позволяет расширить возможности истории международных отношений, которая в большинстве случаев воспринимается как линейная история событий. Однако при этом вне исследовательского внимания остается личность дипломатов, политиков и других участников. Для анализа выбраны донесения двух российских послов в Константинополе А.И. Нелидова и И.А. Зиновьева, хранящиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации и Архива внешней политики Российской империи.

Результаты и обсуждение. Безусловно, дипломатические документы по-прежнему являются основным источником для реконструкции различных событий истории международных отношений. С точки зрения внешней критики они имеют менее строгую форму, чем те же акты, к которым относятся международные договоры. Это важное свойство порождает некоторую свободу изложения информации, мыслей и идей в дипломатической переписке. Традиционно, влияние личности рассматривается как неотъемлемое свойство эго-источников. Все же официальная дипломатическая переписка может представлять собой не менее лично наполненный нарратив, чем мемуары или письма. В рамках интеллектуальной истории, которая позволяет выявить скрытые аспекты мышления людей былых эпох, возможно посмотреть на реконструируемые исторические события с нового ракурса. Речь идет о том, что можно не просто последовательно излагать ход событий международной жизни, но и обратиться к точкам зрения, идеям и взглядам участников событий, влияющих на внешнеполитические практики. Послы, консулы, министры и сотрудники министерств являются людьми со своими особенностями мнений и жизненного пути, и при этом еще продукт своей эпохи. Поэтому в источнике довольно субъективном и личностном неизбежно отразится контекст, который также является предметом изучения интеллектуальной истории. Ричард Уотмор, историк Сен-Эндрюсского университета, справедливо полагает, что интеллектуальная история имеет дело с идеями, включенными в контекст своего времени [4].

Прежде чем перейти к анализу конкретной исторической документации, касающейся внешней политики Российской империи, следует обратить внимание на некоторые особенности, которые в дипломатических нотах и рапортах выявляет Э. ди Нольфо. Эти документы – основные в дипломатической деятельности и наиболее информативные в своем роде. Исследователь должен понимать, что за документом стоит человек, который принадлежит к определенной политической системе. Так, в условиях диктатуры, дипломат стремится доносить ту информацию, которая нравится адресатам и не станет навязывать свою точку зрения. Однако конкретная личность может и не вписываться в эту модель поведения и это тоже нужно учитывать [2]. Дипломатические документы логичные и имеют четкую структуру, эти обстоятельства могут увлечь исследователя идти легким путем и смотреть на события международной жизни под сугубо политическим углом [3, с. 30].

Одной из активных областей европейской международной жизни в конце XIX – начале XX в. был «восточный вопрос», возникший в связи с процессом дряхления Османской империи, прямо пропорционально к которому усиливалось национально-освободительное движение, в том числе в армянских вилайетах Турции. Дипломатические документы российских послов в Константинополе неизбежно включают в себя этот аспект, так как в пределах Российской империи на Кавказе компактно проживало армянское население, поэтому армянский вопрос напрямую касался стабильности российского государства.

А.И. Нелидов был назначен послом в Константинополь в 1883 г., до этого короткий период занимал должность управляющего делами в посольстве. Период его дипслужбы в Османской империи стал наиболее значительным во всей его карьере, именно на этом поприще он себя реализовал в большей степени [5]. Его донесения начала 1880-х, адресованные в МИД, содержат не только конкретные факты и информацию о текущих событиях, но целые геополитические проекты, согласно которым Россия должна занять Босфор, вопреки желаниям не только Порты, но и великих держав [6]. Личность дипломата и его взгляды диктовали определенную расстановку акцентов на проливах. В этой связи дипломатические донесения дают материал для реконструкции не только внешней политики государства, но и оценок конкретного посла реализуемого внешнеполитического курса, что важно для понимания функционирования дипломатических институтов. Геополитические взгляды А.И. Нелидова обусловили то, что его секретные сообщения В.Н. Ламздорфу содержат как свершившиеся события, так и идеальные представления о том, какое место должна занять Россия в Малой Азии. Конечно, в полной мере они реализоваться не могли, но нужно понимать, что идеальные представления в той или иной степени влияют на реальную внешнюю политику государства.

Как показывает анализ отдельных донесений, А.И. Нелидов мыслил на дальнюю перспективу. Одним из важных инструментов поддержания интересов России в Малой Азии было решение в какой-либо степени армянского вопроса. А.И. Нелидов был сторонником максимального сближения «русских и турецких армян», через влияние тем, что сегодня принято называть «мягкой силой» – культуру и образование. Он призывал вести такую политику, которая сможет убедить турецких армян в том, что в России есть все условия для их самостоятельного культурного развития и что только она и есть избавление от турецкого гнета [6, л. 5–7].

Взгляд изнутри на страну пребывания предполагает оценки ее политического состояния. А.И. Нелидов в 1896 г. уже накануне своего ухода с должности российского посла в Константинополе предлагал возможные сценарии развития событий в Османской империи в связи с обострением армянского вопроса на фоне «гамидовской резни», которая теперь уже разворачивалась не в отдаленных вилайетах, а в столице империи на глазах всего дипломатического корпуса. «Зерном все восточной задачи» он считал вопрос о проливах и текущие события предлагал использовать для окончательного его разрешения. При следующем всплеске массовых убийств христиан возникала угроза того, что Великобритания может воспользоваться ситуацией и занять черноморские проливы стоящим неподалеку флотом или что еще хуже – сделать это совместно с другими «великими державами». Появление иностранного флота скорее всего не вызвало бы сопротивления турецкого гарнизона. Возможность такого сценария для А.И. Нелидова была очевидной, поэтому он полагал, что пресечь английские намерения должна Черноморская эскадра, заняв верхний Босфор [7, л. 2–9]. Подробный пересказ ситуации здесь необходим для того, чтобы показать целесообразность критического отношения к дипломатическим документам, которые могут нести в себе не только действительное, но и видение желаемого исхода событий. Важна и рефлексия самого российского дипломата, который признает смелость предлагаемого решения и понимает, что выходит за пределы возложенной на него ответственности [7, л. 9–10].

А.И. Нелидов полагал необходимым установить контроль над Черноморскими проливами, используя сложившуюся в турецкой столице ситуацию. При этом существование Османской империи рассматривалось как политическая необходимость [7, л. Зоб.], это определяло и осторожное отношение к армянскому вопросу. Любые волнения в Османской империи рассматривались как провокация для вмешательства иностранных держав, что было бы пессимистичным сценарием для российской внешней политики. Увеличение иностранных морских сил, которое могло быть следствием потрясений, считалось самым нежелательным исходом.

Подобного рода суждения следует понимать как полностью личное видение, но и отражение позиции государства, так как все-таки А.И. Нелидов был имперским чиновником. В дальнейшем большевиками в издании

«Красный архив» была опубликована записка А.И. Нелидова «О занятии проливов» [8] от 1882 г., в которой подтверждается устойчивость геополитических воззрений относительно проливов и «восточного вопроса», что сформировались еще задолго до «гамидовской резни».

В 1897 г. А.И. Нелидова на посту сменил И.А. Зиновьев. Деловая переписка последнего отражает усугубление ситуации в Османской империи и усложнение задач, стоявших перед российским посольством в Константинополе. Он прослужил на этом посту до 1909 г., важной вехой в его дипломатической биографии стала младотурецкая революция, которую И.А. Зиновьев не принял. С.Ю. Витте характеризовал его как «почтенного выдающегося дипломата, прекрасно знающего дела ближнего Востока». О ситуации с отставкой он писал следующее: «Было не ясно, почему именно потребовалось взятие из Константинополя такого выдающегося и компетентного человека, как бывший посол Зиновьев, и назначение такого – во всех отношениях ниже посредственности, как Чарыков» [9, с. 423].

Дипломатические документы авторства И.А. Зиновьева снова отражают политическую ситуацию в государстве пребывания посла. Кризис в Османской империи, о котором писал А.И. Нелидов, еще в 1882 г. продолжал прогрессировать. Давно предрекавшийся распад империи оказался продолжительным и мучительным. Однако кризисное состояние в Турции документируется с учетом влияния на российскую политику. Содержание дипломатической переписки И.А. Зиновьева гораздо больше сфокусировано на Кавказе. «Гамидовские погромы» спровоцировали отток армянского населения из турецких пределов на Кавказ. Смена исторического контекста отразилась на содержании дипломатических источников. Проблема стабильности кавказских территорий империи стала внешнеполитической задачей, в решение которой был вовлечен российский посол.

Его переписка с Главноначальствующим гражданскою частью на Кавказе Г.С. Голицыным, с чиновниками Порты, с министром иностранных дел М.Н. Муравьевым и др. показывают одну из граней восточного вопроса, который был связан с кавказской политикой [10]. Опираясь на данные источники, мы можем реконструировать многообразие позиций относительно армянского вопроса, занимаемых разными российскими чиновниками, Портой и конкретно И.А. Зиновьевым. При всем различии А.И. Нелидова и И.А. Зиновьева следует обратить внимание на преемственность позиций в отношении турецких армян, которую иллюстрируют источники. Он также призывал не допускать усиления влияния западных обществ на население и максимально участвовать в судьбе, в том числе и выдворяемых с Кавказа армянских беженцев: «Я имею основание предполагать, что западно-европейские благотворительные общества, снабжающие и ныне турецких армян пособиями, позаботятся впоследствии об участии и эмигрантов. Но мне, казалось бы, в высшей степени желательным, чтобы со стороны наших состоятельных

армян были заблаговременно приняты меры к оказанию пособий их единоверцам тотчас по прибытии их в прежние места их жительства. Как само собою разумеется, самая раздача пособий, если бы средства на то могли быть собраны в России, должна быть возложена на наших консульских агентов» [10, л. 16].

Заключение. Таким образом, дипломатические источники изучаемого периода содержат не только событийную часть восточного вопроса во внешней политике России в конце XIX – начале XX в. К данным источникам могут быть применены подходы исторической импедологии и интеллектуальной истории. Дипломатические документы, несмотря на официальную форму, имеют много граней, подсветить которые помогает разнообразие методов исторического исследования. Так, наряду с реконструкцией событий международной жизни в пределах конкретной территории или страны пребывания, можно вычленивать представления отдельного дипломата. Многое будет из области видения чиновником ситуации, что антропологизирует историю международных отношений и избавляет от чрезмерной схематичности и сухости. При изучении внешней политики имеет значение реконструкция не только свершившихся событий, но идей и оценок, носителями которых являются конкретные исторические фигуры.

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Армянский вопрос в международных отношениях (1895–1923 гг.)» (20-59-05002 Арм_а) – рук. И.В. Крючков.

Литература

1. Koliopoulos, C. International Relations and the Study of Historyfree [Electronic resource] / C. Koliopoulos. – Mode of access: <https://oxfordre.com/internationalstudies/display/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-242/version/0> – Date of access: 21.01.2023.
2. Эннио Ди Нольфо. История международных отношений: методологические проблемы / Э. ди Нольфо // Урал. вестн. междунар. исследований. – 2003. – Вып. 1. – С. 9–34.
3. Бокарева, О.Б. Классификации дипломатических источников по связям Россией и Персией за 1588–1607 гг. Из фонда-коллекции РГАДА / О.Б. Бокарева // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2021. – Vol. 3. – № 2(54). – С. 160–165.
4. Уотмор, Р. Что такое интеллектуальная история? / Р. Уотмор. – М.: Новое лит. обозрение, 2023. – 200 с.
5. Рыбаченок, И.С. Александр Иванович Нелидов: судьба и карьера русского дипломата / И.С. Рыбаченок // Вопросы истории. – 2021. – № 10–1. – С. 16–35.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 568. Оп. 1. Д. 157.
7. ГАРФ. – Ф. 568. Оп. 1. Д. 159.
8. Нелидов, А.И. О занятии проливов / А.И. Нелидов // Красный архив. – 1931. – Т. 3(46). – С. 179–187.
9. Витте, С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II: в 3 т. / С.Ю. Витте. – Ленинград: Гос. изд-во, 1924. – Т. 2. – 534 с.
10. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ). – Ф. Турецкий стол. Оп. 502 б. Д. 2479.

Поступила в редакцию 22.05.2023